

ПРАВОСЛАВНОЕ
ОБОЗРѢНІЕ.

ТОМЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

1864.

МОСКВА.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ
(КАЯКОВЪ И К^о.)
1864.

ФИЛИПОВСКАЯ СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ ЧАСОВНЯ ВЪ МОСКВѢ

(Материалы для исторіи раскола)

Чѣмъ былъ Новгородъ съ св. Софіею для стараго новгородца, тѣмъ стала Москва съ ея Успенскимъ соборомъ для великорусса. Такое отношеніе къ Москвѣ имѣетъ значеніе и въ расколѣ. Много превращеній испыталъ расколъ со временъ патріарха Іоакима до императрицы Екатерины II, много расчистилъ онъ лѣсовъ, много проложилъ дорогъ, не мало открылъ промышленныхъ центровъ, выстроилъ богатыхъ слободъ и посадовъ, много написалъ объ удаленіи «правовѣрныхъ» изъ «населенныхъ слугами антихристовыми» городовъ въ непроходимыя дебри и пустыни,—но оторваться отъ Москвы было не въ его силахъ. Широка была колонизація раскола со временъ усмиренія соловецкаго возстанія, особенно въ царствованіе Петра, много причинъ было расколу привязаться къ этой новой колонизаціи, воздѣланной его руками и запечатлѣнной многими жертвами, но тяготѣніе его къ Москвѣ оставалось сильно по прежнему. Неза-

висимо отъ того, что сектанство всегда старается опереться на какую-либо древность, Москва священна была въ глазахъ раскола, какъ колыбель его, средоточный его пунктъ. И вотъ, лишь только расколу представилась возможность безбоязненно выставить свою голову изъ-за лѣсныхъ засадъ, онъ направилъ свою пропаганду изъ селъ и деревень въ города и столицы. Москва, вызвавшая изъ заточенія протопопа Аввакума,—Москва, отстаивавшая старую Русь съ стрѣльцами, не могла не ожить *во времена Екатерины II* для раскола. Какія-нибудь 10 лѣтъ прошло съ 1762 года, и Россія увидѣла въ Москвѣ резиденцію всевозможныхъ раскольническихъ сектъ. Въ 70-хъ годахъ основано и мгновенно разбогатѣло Преображенское кладбище, тогда же Покровская часовня: ожили и Филиповцы.

Доселѣ главнымъ мѣстомъ филиповскаго раскола было село Кириа кашинскаго уѣзда тверской губерніи. Отсюда то направилась въ Москву пропаганда филиповцевъ. Это было въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Скоро образовалась въ Москвѣ небольшая на первый разъ колонія въ Рогожской и Пятницкой частяхъ. Едвали то была случайность, что въ этомъ именно мѣстѣ привилось филиповство. Поморцы и еодостевцы, какъ старѣйшіе сектанты, первые отирски сѣверо-русскаго старообрядства, составляли тогда, такъ сказать, аристократію безпоповщинскаго раскола. Извѣстная всѣмъ цвѣтущая пора поморцевъ при знаменитыхъ Деяисовыхъ. Они вели торговлю на самую широкую ногу, имѣли складные магазины едва не по всей, населенной тогда, Россіи. Торговья связи и пропаганда ихъ сосредоточивались, поэтому, уже не столько въ земледѣльческомъ простонародьѣ, сколько въ торговомъ классѣ людей. То же самое мы видимъ впоследствии и въ еодостевствѣ. Замѣчательно, что объ эти секты отбросили свой аскетизмъ, лишь только собрались съ матеріальными средствами: у поморцевъ явилось признаніе семейной жизни, у еодостевцевъ чрезвычайно легкій взглядъ на старообрядческое монашество; производ-

ное сожительство мужчинъ и женщинъ, замѣняющее бракъ, совершалось открыто; воспитанники Ильи Алексѣевича Ковылина не были ни для кого тайной, его наложницы — тоже. Такое направленіе раскола дѣйствительно всегда было самою ясною вывѣскою матеріальнаго его благосостоянія. Не то мы находимъ въ филиповствѣ. Аскетизмъ легъ *въ основу* его именно въ то время, когда поморцы принялись понемногу отдѣлываться отъ него. Чтобы быть послѣдовательнымъ и не ударить себя лицомъ въ грязь предъ поморцами, распущенность которыхъ выставлена предлогомъ къ отдѣленію, волей-не волей филиповство должно было развивать его дальше и дальше, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ. Такъ на самомъ дѣлѣ и было. Филиповцы, распростившись съ устроившимися на Выгѣ поморцами, пустились въ новую колонизацію, т.-е. въ устройство монастырей и скитовъ по Поморью, что всегда сопровождалось самымъ суровымъ аскетизмомъ въ расколѣ, уже по тому одному, что въ дикой олонецкой дубровѣ или архангельской тундрѣ первымъ поселенцамъ чуть не приходилось питаться кореньями. Не мѣсто говорить здѣсь о той страшной настойчивости, съ какою брались раскольники за обдѣлываніе бесплодныхъ мѣстъ, обращенныхъ ими въ плодоносныя нивы безъ помощи сохи и бороны. Достаточно сказать, что филиповцы, отдѣлившись отъ поморцевъ, не могли скоро устроиться, особенно вслѣдствіе экспедиціи въ поморье Самарина, которая подоспѣла съ самаго начала. Филиповцы только-что отдѣлились отъ поморцевъ. И тогда какъ послѣдніе приняли предложеніе Самарина молиться за царя, первые признали это измѣною расколу и сожглись всѣ, кого засталъ Самаринъ въ скиту. Это было первымъ обнаруженіемъ для правительства филиповскаго раскола. За тѣмъ пропасть сожлось филиповцевъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Самосожженіе выставлялось даже основнымъ догматомъ сектантовъ. Долго скитались филиповцы по разнымъ мѣстамъ Россіи безъ прочнаго пристанища. Устройство ихъ шло медленно и только мало-по-ма-

ду стало приходить въ порядокъ, когда совсѣмъ стихли преслѣдованія расколниковъ. Отсюда—аскетизмъ гораздо больше царилъ между филиповцами, чѣмъ между поморцами и еедосѣвцами; филиповцы еще не имѣли соблазна богатства. Еедосѣвцы и поморцы оцѣнили своей пропагандой преобладающій элементъ купечества и состоятельнаго крестьянства (крестьяне казенные удѣльные и бывшихъ господскихъ вотчинъ); пропаганда филиповская обратилась къ мѣщанству и крестьянамъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ (вотъ почему въ филиповствѣ зародилось странничество, состоящее едва не исключительно изъ помѣщичьихъ крестьянъ, — мы разумѣемъ скитающееся странничество). Подобное явленіе мы видимъ и въ Москвѣ. Прежде чѣмъ основаны были Преображенское кладбище и Покровская часовня, еедосѣвство и поморство уже составляли компаніи купцовъ, которые двигали всѣмъ по устройству общинъ, которые создали ихъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и обезпечили громаднымъ капиталомъ. Когда исторія застала въ Москвѣ филиповцевъ, они были бѣдны и сосредоточивались главнымъ образомъ въ низшемъ слоѣ общества. И если первые жиды по преимуществу въ богатыхъ частяхъ города, то послѣдніе пріютились въ тѣхъ мѣстахъ столицы, гдѣ преобладающее населеніе было пріѣзжее крестьянство и небогатое мѣщанство. Когда собрались съ средствами и филиповцы, тогда съ ними повторилась таже самая исторія, какая была съ еедосѣвцами и поморцами, но это впоследствии. А теперь они между тѣмъ и другими слыли подъ именемъ «крѣпкихъ христіанъ».

На первыхъ порахъ проявленія филиповскаго раскола были очень скромны: общественныя собранія—для молитвы, разсужденій религиозныхъ, и проч. составлялись лишь тогда, когда пріѣзжали въ Москву пронагандисты—кирскіе монахи. Для этихъ собраній не назначалось одного какого-нибудь опредѣленнаго мѣста, потому что сектантовъ было еще такъ мало, что они всѣ могли помѣститься

ся въ самомъ скромномъ иѣщанскомъ или крестьянскомъ домикѣ; они и помѣщались тамъ, гдѣ останавливались монахи. Но это продолжалось не долго. Между провинціальными раскольниками понемногу стала разноситься вѣсть, что въ Москвѣ устроивается филиповская община. Основаніе столичной общины было очень важно для провинціальныхъ филиповцевъ. И вотъ, тогда какъ кимрскіе монахи старались удержать за собою вліяніе въ Москвѣ, чтобы имѣть постоянную пропаганду и собирать пожертвованія, другіе провинціальныя филиповцы, не участвовавшіе въ пропагандизмѣ и не замѣшанные лично въ это дѣло, отвесились къ московскому филиповству совершенно иначе. Смотри на развитіе филиповской общины въ старой столицѣ,—столицѣ, пользующейся уваженіемъ всего русскаго нечиновнаго люда, какъ на одно изъ средствъ къ поддержанію и объединенію секты, они рѣшились во что бы то ни стало поднять значеніе московской общины, сдѣлать ее средоточною, самостоятельною. Начать нужно было, разумѣется, прежде всего съ устройства молитвеннаго дома и открытія при немъ богадѣльни или монашескаго общежительства. Въ расколѣ это дѣлается очень легко и быстро. Является въ общинѣ какой-нибудь богачь-сектантъ, желающій получить себѣ попечительство надъ общиною (должность очень почтенная), предлагаетъ ей построить молеблю, кладетъ основаніе фонду, выбирается распорядителемъ, собираетъ потомъ послышныя пожертвованія сектантовъ, и, при общинномъ характерѣ этихъ пожертвованій—*деньгами и трудомъ*, зданіе выводится въ самомъ непродолжительномъ времени.

Мысль о постройкѣ часовни заявлена была филиповцамъ около 1790 года тверскимъ купцомъ Т. И. Долинымъ. Оразвившемся въ Москвѣ пропагандизмѣ кимрскихъ монаховъ онъ узналъ въ самой Кимрѣ, гдѣ случилось ему быть по торговымъ дѣламъ, и онъ постарался познакомиться съ дѣломъ на иѣстѣ. Располагая большимъ состояніемъ и увѣрившись, что онъ можетъ играть одну изъ главныхъ ролей

въ общинѣ, которая, благодаря заботамъ Кири, съ каждымъ годомъ увеличивалась въ числѣ, — а быть начальникомъ и распорядителемъ столичной общины, которая притомъ станетъ обязанною ему своимъ устройствомъ, очень лестно, — онъ переселился въ Москву, и предложилъ филиповцамъ пожертвовать значительную долю своего капитала на устройство общины. Филиповцы теперь сами видѣли, что общинѣ необходимо какое-нибудь определенное устройство, чтобы она тверже установилась въ Москвѣ, больше ограждала самостоятельность своихъ членовъ, поддерживала ихъ матеріальными средствами и, главное, хранила отъ пропагандизма зажиточныхъ уже тогда еедосѣвцевъ и поморцевъ, богатая обстановка которыхъ, особенно первыхъ, слишкомъ соблазнительно дѣйствовала на массу раскольниковъ, такъ что на первыхъ порахъ Преображенское кладбище дѣйствительно мечтало о подчиненіи себѣ всѣхъ безповцевъ, да и не мечтало только, а на самомъ дѣлѣ близко было къ этой цѣли. Такимъ образомъ предложеніе Долина пришлось очень ко времени, и скоро приступлено къ постройкѣ молитвеннаго дома. Мѣсто для молебни избрано было въ центрѣ филиповства — въ Рогожской части, Дурновомъ переулкѣ. Фасады раскольниковскихъ молебенъ всегда одинаковы; они никогда не выставляются на видъ. Они обыкновенно загораживаются со всѣхъ сторонъ жилыми строеніями. Такъ сдѣлалъ и Долинъ. Чтобы не обратить чьего-либо *ненужнаго* вниманія, онъ построилъ сначала два жилыхъ каменныхъ флигеля, для помѣщенія призываемыхъ, а потомъ, когда они были совсѣмъ уже готовы, подъ защитою ихъ, на дворѣ явилась и молебня, которая не значилась, разумѣется, въ планѣ. Не значился также на планѣ и еще небольшой, возведенный на дворѣ, деревянный флигель, который назначенъ былъ для помѣщенія самого Долина. Это тоже обычный маневръ раскольниковъ въ подобныхъ случаяхъ. Лица, играющія между ними въ данныхъ обстоятельствахъ видную роль, всего менѣе доступны для полиціи. Поэтому, при раскольниковскихъ

моделныхъ всегда на первомъ планѣ для стороннихъ наблюдателей прирѣваемые—богадѣльники, отъ которыхъ любопытный ровно ничего не узнаетъ. На все они будутъ отвѣчать: не знаю; а что съ нихъ взять? Мы, скажутъ, бѣдняки, у насъ ни кола, ни двора, насъ пріютили здѣсь, мы и живемъ. Особенно секретностей много въ устройствѣ моленъ у такъ называемыхъ тайныхъ сектантовъ: скопцовъ, хлыстовъ и проч. Тамъ не скоро найдешь и мѣсто молитвенныхъ собраний. А если и найдешь, такъ не успѣешь никого увидать изъ сектантовъ.... Тоже самое у странниковъ. Затѣмъ, такъ какъ старообрядцы по дѣйствующимъ постановленіямъ не имѣли права владѣть какою-либо общественною собственностію, то всѣ названныя постройки записаны были на главного строителя моленни, купца Долина.

Когда все это было улажено, Долинъ, взявшій на себя попечительство въ часовнѣ, озаботился избраніемъ наставника. Въ настоящемъ случаѣ задача заключалась въ томъ, чтобы избрать человѣка авторитетнаго, по принципу филиповства, подвижника, который бы своею личностію сумѣлъ возвысить филиповскую общину въ Москвѣ и поставить ее въ ряду другихъ общинъ, на самомъ видномъ планѣ. Такого человѣка Долинъ нашелъ въ одномъ изъ кирскихъ пропагандистовъ, монахѣ Варлаамѣ. Но онъ освятилъ моленню, не много пожилъ въ Москвѣ и отправился въ свою Кирму, не принявъ на себя званія наставника. Сказать трудно, почему это случилось, потому ли, что положеніе Варлаама въ Кирмѣ было лучше, потому ли, что въ столицѣ онъ опасался со временемъ быть узнаннымъ полиціей, или потому, что неудовлетворилъ чѣмъ-нибудь ожиданіямъ филиповцевъ, а можетъ быть и потому, что не хотѣлъ измѣнить Кирмѣ, высвобождая московскихъ филиповцевъ изъ-подъ ея вліянія. Какъ бы то, впрочемъ, ни было, только послѣ непродолжительнаго пребыванія въ Москвѣ Варлаама, настоятелемъ филиповцы избрали вѣскою *Алексѣя Яковлева*. Этотъ человѣкъ уже былъ съ извѣстностію. Онъ былъ писатель и составилъ себѣ ре-

путацію непобѣдимаго полемиста противъ поморцевъ. Здѣсь кстати сказать, что филиповцы были гораздо миролюбивѣе съ еодостѣвцами, чѣмъ съ поморцами. Необыкновеннаго, впрочемъ, въ этомъ нѣтъ ничего. Полемика сектантовъ всегда бываетъ гораздо ожесточеннѣе съ тѣми, отъ кого они въ религіозномъ отношеніи отделились, хотя бы предметъ полемики былъ самый ничтожный, чѣмъ съ лицами другаго вѣрученія или обряда, съ которыми нѣтъ никакого преданія о неприязни. Мы не можемъ фактически указать пункты, на которые по преимуществу нападали филиповцы; но предметы разногласія филиповцевъ и поморцевъ извѣстны,—это принятіе поморцами брака,—отсюда, на взглядъ филиповцевъ, распущенность поморцевъ,—допущеніе молитвы за царя и снисходительный взглядъ поморцевъ на гражданское правительство. Изъ имѣющихся у насъ подъ руками фактовъ можно вывести только то, что полемика между сектантами, была очень безцеремонна, и что Алексій Яковлевъ удержалъ за собою первенство въ этой полемикѣ и безцеремонности; и такъ раздражилъ противниковъ, что они говорили о немъ: «когда писалъ Алексій Яковлевъ, то самъ лукавый водилъ его мыслями.»

Какъ настоятелю, Алексію Яковлеву нужно было поднять благолѣпіе молебни. Она устроена была на скорую руку, съ опасностію обратить на нее вниманіе полиціи. Въ ней сдѣлано было только главное. Теперь было удобнѣе заняться внутренними ея украшеніями. Недозволенныя правительствомъ постройки и работы исполняются у раскольниковъ всегда своими. Здѣсь одна община дѣлится съ другой. Такъ и въ настоящемъ случаѣ: московскіе филиповцы уговорили мѣщанина *Петра Иванова* переселиться къ нимъ изъ Кимры и заняться писаніемъ иконъ для молебни. Алексій Яковлевъ, стараясь охранять общину отъ вліянія еодостѣвцевъ и поморцевъ, особенно хлопоталъ о томъ, чтобы рабочіе и мастеровые всѣ были изъ филиповцевъ. Онъ завелъ иконописную мастерскую, отливаніе иконъ и крестовъ. (Вислѣдствіи

эта специальность доведена была до такого совершенства, что къ филиповцамъ стали обращаться съ заказами даже еедосѣвцы и поморцы — мѣстные и иногородные). Онъ завелъ при молельні переписчиковъ и переплетчиковъ книгъ.

Призѣваемыхъ при молельні сначала было всего 30 человекъ. Они обязаны были соблюдать самый строгій аскетическій уставъ; они дѣйствительно постничали, елико возможно, не брали въ ротъ вина и проч. Но относительно безбрачія строгость оставалась, какъ и у еедосѣвцевъ, только на бумагѣ. Хотя для мужчинъ и женщинъ назначены были особыя помѣщенія, но какъ послѣднія ничѣмъ не отдѣлены были другъ отъ друга, то сношенія половъ не замедлили обнаружиться въ самомъ непродолжительномъ времени. У поморцевъ, при довольно свѣтломъ взглядѣ на дѣло Денисовыхъ, это было поводомъ къ признанію брака; послѣ къ тому же стали приходять по немногу и филиповцы; но теперь они въ отношеніи къ брачной жизни были суровѣе современниковъ—еедосѣвцевъ. Вообще филиповцами проповѣдывался самый строгій аскетизмъ и, при полемикѣ съ поморцами и еедосѣвцами, они съ гордостію указывали на отсутствіе въ своей общинѣ вѣншихъ признаковъ брачной жизни. Внутри же ея наставники старались не замѣчать, смотрѣть сквозь пальцы на сожительство половъ. Невсегда, какъ видно, замѣчалась и беременность. А женщины, пользуясь этимъ, не считали нужнымъ уходить изъ пріюта (при молельні) и для разрѣшенія отъ беременности. Наставники же и попечители наблюдали, въ свою очередь, только за тѣмъ, чтобы въ пріютѣ не было дѣтей, которыхъ и отправляли сейчасъ же по рожденіи въ воспитательный домъ или въ пріемыши. Если случалось, что дитя помретъ, его хоронили на дворѣ, гдѣ отведено было для этого особое мѣсто. Свободное отношеніе половъ приводило не разъ къ исправнымъ побранкамъ и даже дракамъ, но полиція уже подкуплена была, чтобы скрывать эти безпорядки. И замѣчательно, что въ этихъ безпорядкахъ, равно какъ и въ ихъ причинахъ, нерѣдко принимала уча-

стіе молодежь изъ поморцевъ и, особенно, едосѣвцевъ; между тѣмъ религіозная неприязнь между сектантами шла своимъ чередомъ; филиповцы не хотѣли даже хоронить своихъ покойниковъ на единственно дозволенномъ правительствомъ для безпоповцевъ Преображенскомъ кладбищѣ, выпросили у полицмейстера дозволеніе отправлять ихъ на Рогожское кладбище, платили за это большія деньги полицмейстеру и кладбищу и содержали при общинѣ особыхъ могильщиковъ.

Изъ исторіи раскола извѣстно, что изъ всѣхъ раскольниковъ безпоповщинской секты правительство смотрѣло неблагосклонно по преимуществу на филиповцевъ. Основаніемъ къ этому послужила крайность взгляда сектантовъ на правительство, разрѣшившихся, въ прошломъ и по мѣстамъ, даже настоящемъ столѣтіи, безчисленными самоожженіями при первомъ соприкосновеніи съ правительственными чиновниками. По этому полиціи не совѣсть было безопасно сквозь пальцы смотрѣть на правильное устройство филиповской общины въ Москвѣ; но филиповскія деньги привели полицію къ слѣдующей комбинаціи: какъ существованіе Преображенскаго кладбища ограждено было закономъ, между тѣмъ на полиціи не лежитъ, да и не можетъ лежать обязанность знать религіозныхъ тонкостей разныхъ толковъ безпоповства, то самое лучшее причислить филиповскую общину къ прихожанамъ Преображенскаго кладбища; о существованіи же модельни благоразумно умолчать, такъ какъ она никому не бросается въ глаза. Такъ и было сдѣлано. Полиція записала нѣсколькихъ филиповцевъ, по преимуществу призрѣваемыхъ или бѣдныхъ, съ которыхъ нечего было взять правительству, подъ общую рубрику: «безпоповцы», да и дѣло съ концомъ. Полиція и умершихъ зачисляла «погребенными по Преображенскому кладбищу» не смотря на то, что за подлинное знала о погребеніи ихъ на Рогожскомъ кладбищѣ.

Благодаря попечительству Долина и энергіи Алексѣя Яковлева, филиповская община возрасла до 300 чел. и уже не

ограничивалась безопаснымъ существованіемъ, а пустилась на ряду съ поморцами и едосъевцами и сама въ пропагандизмъ. Пропагандизмъ этотъ начался съ поморцевъ и едосъевцевъ. Филиповство, поморство и едосъевство составляютъ, какъ извѣстно, три *главныя* отрасли безпоповщинскаго раскола; они выродились изъ одного и того же корня, но каждое старалось быть оригинальнымъ въ своемъ ученіи и жизни. Но такъ какъ въ ученіи и направленіи сектанства господствовала полная неопредѣленность, которую мало-малыски разсвѣтала уже исторія, то переходы изъ одной секты въ другую совершались постоянно, иногда по нѣскольку разъ. Случалось, что въ молодые годы вы видите данное лицо на Преображенскомъ кладбищѣ, представлявшемъ молодежи полный разгулъ въ сожительствѣ половъ, въ года зрѣлости вы находите его женатымъ прихожаниномъ Покровской часовни, а въ старости аскетомъ опять Преображенскаго кладбища или Филиповской молебни. На первыхъ порахъ прозелитизмъ филиповцевъ между поморцами и едосъевцами только, кажется, и ограничивался людьми пожилыми; но когда аскетизмъ филиповцевъ, въ виду покойной жизни, по немногу сталъ слабѣть, тогда молебня ихъ пріивѣтствовала своими прихожанами и не однихъ только пожилыхъ людей. Что касается способа принятія въ общину едосъевцевъ и поморцевъ, то въ немъ выразился уже упомянутый нами выше религіозный взглядъ филиповцевъ на тѣхъ и другихъ. Едосъевецъ, при вступленіи въ общину, обязанъ былъ только отречься отъ своей секты и выдержать шестинедѣльный постъ, послѣ котораго допускался къ общественной молитвѣ; тогда какъ поморецъ долженъ былъ произнести отреченіе отъ секты, оставить жену, дѣтей и вынести двѣнадцатинедѣльный постъ. Принятіе въ общину православныхъ совершалось посредствомъ перекрещиванія.

Такъ крѣпла филиповская община въ Москвѣ. Иногородныхъ филиповцевъ это очень радовало и они старались завлечь ей свои симпатіи, кто чѣмъ могъ. Посильныя пожерт-

вованія начали стягиваться въ нее съ разныхъ сторонъ Россіи — деньгами и припасами. Мало-по-малу устанавливались правильныя сообщенія иногородныхъ филиповскихъ общинъ съ Москвою. Здѣсь заслуживаютъ особеннаго вниманія сношенія московскихъ филиповцевъ съ кегсгольскими: въ Кегсголь обыкновенно переправлялись изъ Москвы обращавшіеся въ секту бѣглые солдаты, безнаспортные крестьяне и вообще лица, которымъ не безопасно было оставаться въ столицѣ.

Въ 1809 г. настоятель молебни Алексѣй Яковлевъ помѣшался «ради ревности непомятой къ чтенію и ученію», и на мѣсто его избранъ былъ бывшій кимрскій иконописецъ *Петръ Ивановъ*. Алексѣй Яковлевъ — личность очень замѣчательная. По образованію и начитанности онъ стоитъ, разумеется, ниже Денисовыхъ, Ивана Филипова, Скачкова, Ивана Алексѣева, но по значенію въ общинѣ, а быть можетъ и по дарованіямъ едва ли не поспоритъ съ ними. Яковлевъ былъ первымъ филиповскимъ писателемъ, первымъ смѣлымъ полемистомъ, уважаемымъ самими противниками.

Въ 1812 г. молебня и пріюты въ Дурновомъ переулкѣ опустѣли; при нихъ остался только Петръ Ивановъ съ помѣшаннымъ Яковлевымъ. Но послѣ освобожденія Москвы отъ непріятеля, филиповцы снова собрались сюда и принялись опять за устройство общественныхъ зданій съ молебнею. Среди общей суматохи строенія эти возведены въ лучшемъ противъ прежняго видѣ, молебня устроена каменная и обширная, возобновлена, какъ слѣдуетъ, иконопись и вновь вылиты иѣдныя образа. Переписаны затѣмъ богослужебныя книги, полученныя для этой цѣли изъ Кимры, и молебня снова огласилась гнусливымъ флегматическимъ филиповскимъ напѣвомъ богослужебныхъ пѣсней. Къ этому же времени относится устройство и нѣсколькихъ домашнихъ молебенъ. То было, съ одной стороны, знакомъ, что, за другими заботами, правительство оставило въ сторонѣ расколъ, а съ другой, что нѣкоторые изъ филиповцевъ на столько разбогатѣли

или обратили въ свое согласіе такихъ купцовъ-аристократовъ (върнѣе же первое), что они уже не считали нужнымъ смиренночать передъ общиною, находясь въ зависимости отъ нея, и собирали сами около себя прихожанъ, образуя такимъ образомъ, новые центры частныхъ филиповскихъ общинъ въ Москвѣ. Вотъ эти молебни: 1) въ Сущевской части — купца Зосимы Аванасьева, 2) въ Пятницкой — купца Андрея Кузьмина, 3) въ той же части — купца Петра Григорьева и 4) въ Пятницкой же части — купца Тимофея Иванова. Богослуженіе отправлялось въ нихъ самими хозяевами, а во время посѣщеній киярскихъ монаховъ — этими послѣдними.

Въ 1818 г. наставникъ Петръ Ивановъ померъ. Мѣсто его занялъ проживавшій въ пріютахъ киярскій уроженецъ итшанинъ *Григорій Несторовъ Шмохинъ*. Число прихожанъ филиповской молебни увеличивалось тогда больше и больше, и Шмохину оказалось нужнымъ нѣтъ помощника, котораго и назначенъ былъ нѣкто *Андрей Кузьминъ*. Когда вступили въ свои должности Шмохинъ и Кузьминъ, прирѣзаемыхъ въ пріютахъ было за сто человекъ. Они приняли общину въ самый устроенномъ видѣ, благодаря энергій Яковлева. Имъ оставалось уже только закончить, привести въ исполненіе мысли Доляна и Яковлева — на прочныхъ началахъ утвердить самостоятельность общины и распространить вліяніе ея на иногородныхъ филиповцевъ, сдѣлавши ее, такимъ образомъ, центральною общиною въ Россіи. Шмохинъ понялъ эту задачу въ совершенствѣ и принялся за выполненіе ея со всею энергіею. Онъ уже отозвался съ полнымъ хладнокровіемъ о филиповскомъ прозелитизмѣ въ Москвѣ, приближаясь къ поговоркѣ: «игра не стоитъ свѣчъ», тогда какъ прежде, даже при Алексѣѣ Яковлевѣ, каждое обращеніе въ секту привѣтствовалось филиповцами съ неподдѣльною радостію. «Федосеевцы — народъ избалованный, говаривалъ Шмохинъ, — придерживаются еретическимъ обычаямъ, пьютъ вино; поморцы — совѣтъ погибшіе;

изъ приходящихъ церковниковъ (православныхъ) хотя и не рекрециваются, но ихъ надо въ Кексгольмъ отправлять, потому что они по большей части бѣглецы помѣщичьи люди, — труда много, а пользы согласію не видится, — почему надежнѣе поискать вдали отъ Москвы народа почише и потверже, а грѣшно утаивать подвижника Филиппа (не проповѣдывать его ученія). Говоря это, Шмохинъ уже зналъ, на какіе пункты Россіи слѣдуетъ обратить миссіонерство московскихъ филиповскихъ проповѣдниковъ, развитію которыхъ — замѣтимъ котаи — данъ былъ сильный толчекъ неутонною писательскою дѣятельностію Алексѣя Яковлева. И вотъ въ первое же собраніе филиповцевъ Шмохинъ, уже напередъ получившій согласіе избранныхъ прихожанъ, предложилъ читателямъ «отца Филиппа» отправить въ нигородныя филиповскія общины миссіонеровъ, и, чтобы вѣрнѣе добиться успѣха и предупредить возраженія, онъ тутъ же указалъ, въ оправданіе необходимости посланничества, на живые разсказы проживавшихъ отъ времени до времени въ пріютахъ филиповцевъ-странниковъ, «съ горестію сообщавшихъ, что у нихъ на родинѣ къ упадку клонится твердое филиповское согласіе.»

Мысль Шмохина принята собраніемъ единодушно, и онъ, нимадо не жедля, избралъ изъ призрѣваемыхъ двухъ опытныхъ проповѣдниковъ, снабдилъ ихъ подробными маршрутами и инструкціями, а на случай и нужнымъ количествомъ общественныхъ денегъ. Первый отправился Михайло Григорьевъ. Проповѣдничество его началось съ орловской губерніи — ижвнѣ графа Кочубея. Положеніе здѣшнихъ филиповцевъ было дурно на взглядъ Григорьева. Они были безъ молельни, безъ наставниковъ и денегъ. При этихъ обстоятельствахъ, благодаря вліянію помѣщика, многіе филиповцы стали ходить въ православныя церкви и по немногу привыкали безразлично относиться къ религіознымъ разногласіямъ. Съ прибытіемъ Михайла Григорьева филиповство ожило; онъ устроилъ въ ижвнѣ Кочубея общественную молельню, из-

бралъ наставника, снабдилъ его нужными книгами и установилъ правильный порядокъ богослуженія. Результатомъ этихъ заботъ было то, что не только прежніе филиповцы оставили православіе, но и православные стали посѣщать новоустроенную моленную и ходить на филиповскія вечернія бесѣды. Устроивши такимъ образомъ здѣсь филиповцевъ, Михайло Григорьевъ отправился пропагандировать въ г. Моршу тамбовской губерніи. Тамъ онъ нашелъ дѣла въ лучшемъ видѣ: въ Моршѣ филиповская община имѣла свою моленную и порядочный общественный капиталъ. Поэтому дѣятельность московскаго пропагандиста ограничилась здѣсь нѣсколькими проповѣдями и перекрещеніемъ нѣкоторыхъ изъ православныхъ. Изъ Морши путь Михайла Григорьева лежалъ, по прибрежью Волги, въ саратовскую губернію, въ широкихъ степяхъ которой на всевозможныхъ хуторахъ издавна существовало филиповство, и проповѣдь Григорьева не могла встрѣтить себѣ никакихъ затрудненій. Посѣщеніе саратовскихъ хуторовъ важно было для Григорьева и въ другомъ отношеніи. Когда возникло филиповство, колонизація саратовскихъ степей только начиналась и населялась по преимуществу людьми, заслужившими нерасположеніе правительства. Здѣсь были представители всѣхъ раскольническихъ сектъ, переселенцы изъ разныхъ губерній. Отъ нихъ всего легче можно было собрать свѣдѣнія о состояніи филиповства въ мѣстахъ первоначальнаго его основанія. Свѣдѣніями этими не замедлилъ воспользоваться Григорьевъ. Переселенцы сказали ему, что стоить поддержать почитателей отца Филиппа въ рязанской губерніи, и онъ направился туда. Онъ прошолъ уѣзды: пронскій и михайловскій «и много потрудился ради христіанства, сѣя его вновь и укрѣпляя истинныхъ христіанъ по отцу Филиппу, и большое было радушіе къ принятію его словесъ: и слабые духомъ еедосѣвцы, оставленные безъ наставниковъ, спѣшили къ нему на исповѣдь, и *житіе едали отъ приходскихъ церквей* еретики (православные), изрѣдка ходя въ свои церкви, рады были изучиться

христіанству и избавиться отъ своихъ поповъ, а обзавестись своими наставниками.»

Возвратившійся въ Москву Михайло Григорьевъ привѣтствованъ былъ московскими филиповцами съ особенною признательностію. Это еще больше ободрило Шмохидя, и онъ пошелъ къ своей цѣли прямо. Наставника Андрея Соменова онъ отправилъ въ губерніи тверскую и ярославскую съ спеціальною цѣлю—подорвать здѣсь вліяніе Кимры и на мѣсто ея поставить вліяніе Москвы. Не разъ уже упоминали мы, что какъ первые безпоповщійскіе расколуучители начинали проповѣдь свою съ аскетизма, такъ точно основатели и послѣдующихъ сектъ; но этотъ аскетизмъ, какъ явленіе больше или меньше случайное или условливающееся сторонними обстоятельствами, а не выходящее изъ внутренняго начала, уничтожался сейчасъ же, какъ только секта богатыля, возвращалась къ удобствамъ жизни. И чѣмъ богаче становился раскольникъ, тѣмъ легче относился къ нравственнымъ предписаніямъ старообрядцевъ; чѣмъ дальше отъ него были жизненныя блага, составляющія всегда самый искренній предметъ стремленій бѣдняка, тѣмъ суровѣе относился онъ къ своему тѣлу—жизненнымъ удобствамъ. Въ этомъ онъ какъ будто испытывалъ свою настойчивость въ исканіи обезпеченнаго положенія. Добившась же цѣли, онъ рѣдко чувствовалъ себя сильнымъ устоять противъ искушешей жизни, а ограничивался лишь подыскиваніемъ разныхъ извиненій себѣ въ нарушеніи прежняго кодекса нравственныхъ правилъ. Въ *общежительствахъ* раскольниковскихъ указанный переходъ совершается еще быстрѣе, потому что имъ было легче, чѣмъ отдѣльнымъ лицамъ, разбогатѣть. Исторія этихъ общежительствъ всегда слѣдующая: расколуучитель, собравшій десятокъ-другой послѣдователей себѣ, отправляется съ ними въ глушь лѣса, начинаетъ съ ними расчистку полей, устроиваетъ нѣсколько лачужекъ и обзаводится по немногу хозяйствомъ, соблюдая всевозможную умѣренность въ жизни. Въ народѣ онъ скоро зашибаетъ себѣ званіе подвиж-

ника; простолюдны къ нему являются сначала за наставленіями, а потомъ и съ просьбами о дозволеніи поселиться въ его колоніи; поселенія съ теченіемъ времени увеличиваются, къ поселенцамъ приходятъ жить родные, жены и дѣти. Является необходимость въ устройствѣ правильнаго общежителства, спеціализируются работы—мужскія и женскія. При такихъ обстоятельствахъ матеріальная обстановка улучшается быстро; является досугъ, нѣкоторая измѣненность; нравственныя ограниченія отодвигаются въ сторону, и чувственность беретъ свое. Поселенцы мужской половины подъ разными предлогами проникаютъ въ женскую, и развратъ охватываетъ мгновенно колонію. Старикъ сначала принимаетъ противъ зла, разумѣется, мѣры, но это оказывается не ведущимъ къ цѣли, и наставники привыкаютъ не замѣчать неприличнаго поведенія «буйной молодежи». Но принципъ строгости нравственныхъ предписаній, по простой консервативности простонародья, отъ этого ни мало не падаетъ, старикъ хранитъ его неприкосновенно, делятъ, какъ высшій идеалъ жизни. И если раскольникъ-богачъ, старообрядецъ-общезителъ легко смотритъ на взаимныя отношенія половъ и вообще нравственныхъ предписанія, то масса раскольниковъ, въ силу указаннаго принципа, не легко уступаетъ преданію. Вотъ почему мы видимъ, что раскольники защиточные, раскольники-промышленники, раскольники-молодежь такъ рѣзко отличаются отъ раскольниковъ-стариковъ и раскольниковъ глухихъ мѣстъ Россіи. Вотъ почему, далѣе, мы всюду замѣчаемъ волюющее противорѣчіе между нравственностью писанною, проповѣдуемую, и нравственностью дѣйствительною въ расколѣ. Кширская община подходила теперь подъ первую категорію. Шюхинъ все это понималъ, какъ нельзя лучше, и если самъ не вышелъ изъ очерченной нами узкой рамки раскольниковской морали, то никакъ не прочь былъ воспользоваться слабою ея стороною на счетъ другихъ. Было извѣстно многимъ раскольниковскимъ обществамъ, что настоятель кширской общины монахъ Варлаамъ,

проповѣдуя аскетизмъ въ своихъ поученіяхъ и наставленіяхъ, подѣ влияніемъ напора безнравственности большинства, самъ содѣйствовалъ этому пороку, постригая въ монашество (въ Кириѣ и Угличѣ) молодыхъ раскольниковъ 16—20 лѣтъ. Пользуясь недовольствомъ массы раскольниковъ, съ этой слабой стороны прямо и началъ Шмохинъ. Но онъ повелъ дѣло крайне осторожно, чтобы показать полное съ своей стороны безпристрастіе. Вотъ какъ дѣйствовалъ, по его инструкціи, Андрей Семеновъ: какъ ни въ чемъ не бывало, онъ явился въ Кириѣ съ самыми дружескими заявленіями отъ московской общины, пожилъ довольно по долгу въ Кириѣ и Угличѣ, принялъ отъ Варлаама благословеніе, и потомъ, какъ личный содѣлатель безчинствъ, началъ рассказывать о нихъ по ярославской губерніи, особенно въ юхновской волости и Рыбинскѣ, приправляя, конечно, свои рассказы наставленіями, что такъ не училъ отецъ Филиппъ, и напоминаніями, что такъ не дѣлается и въ Москвѣ — «строгой читальницѣ преданія.» Цѣль была вполне достигнута, довѣріе къ Кириѣ упало; около Семенова сгруппировалась значительная партія филиповцевъ, почитающихъ главою своею Москву. Того же добился Семеновъ въ общинахъ тихвинской и охотской волости, и съ торжествомъ возвратился въ Москву.

Слѣдствіемъ пропагандизма Шмохина были, съ одной стороны, постоянныя обширныя сношенія иногородныхъ общинъ съвера и юга съ Москвою, частые вклады и даже переселенія въ Москву;—на этотъ разъ стоитъ отмѣтить переселеніе дѣтей бурмистра и управляющаго ильинемъ князя Кочубея въ орловской губерніи А. Я. Молоткина, выкупившаго дѣтей на волю и оставшагося въ ильинѣ для поддержанія филиповства (такъ искусно выполнялъ свое посланничество Михайло Григорьевъ),—а съ другой—возвышеніе филиповства и въ Москвѣ, выдѣлившей изъ себя до 600 прихожанъ филиповской модели. Изъ нихъ особенно замѣчательны: 1) купецъ Егоръ Акифьевъ въ Лефортовской части, 2) купецъ Ефимъ Борисовъ—въ Пятницкой части, 3) вѣща-

нинъ Иванъ Никитилъ въ Лесортовской части, 4) мѣщанинъ Федоръ Кирилловъ—въ той же части, 5) купецъ Зосима Афанасьевъ—въ Сущевской части, 6) мѣщанинъ Петръ Григорьевъ—въ Пятницкой части, 7) купецъ Тимофей Ивановъ—въ Пятницкой части, 8) купецъ Иванъ Григорьевъ Томилинь—на Арбатской улицѣ. Это былъ прозелитъ изъ едосѣвцевъ, но прозелитъ по расчету. Перешелъ онъ къ филиповцамъ такъ—сгоряча, послѣ перебранки съ настоятелемъ Преображенскаго кладбища, Семеномъ Кузьминнымъ. Но горячка его прошла, и онъ снова присоединился къ едосѣвству, уступивши просьбамъ родныхъ и Кузьмина. Впрочемъ Томилинь до конца жизни сохранялъ близкія отношенія къ филиповцамъ. Кажется, онъ былъ изъ числа индифферентистовъ-раскольниковъ, нѣмъ хорошихъ связи съ сильными міра сего и одинаково благодѣтельствовалъ едосѣвцамъ и филиповцамъ, укрывая бѣглыхъ, доставляя имъ паспорта и приписывая къ Москвѣ.

Названныя лица составляли аристократію филиповства. Всѣ оны были большіе богачи, имѣли въ домахъ своихъ молельни, руководили общественными собраніями и вообще были, такъ сказать, основаніемъ всего московскаго филиповства.

1815—1825 годы были самыми лучшими для филиповства, временемъ самаго сильнаго разгара его дѣятельности. Въ 1826 году обстоятельства слагаются иначе. Тогда же община лишилась Михайла Григорьева, а въ 1832 г. Андрея Семенова, и въ 40-хъ годахъ жизнь филиповцевъ замкнулась. Старапія ихъ направлены были въ это время уже не столько на прозелитизмъ, сколько на средства къ укрывательству и секретно-мистическую обстановку своего дома и молельни. Съ этою цѣлію они не одинъ разъ переписывали общинное свое имущество съ одного лица на другое, вновь являвшееся въ Москвѣ и неуспѣвавшее навлекать на себя подозрѣній въ филиповствѣ,—такъ до 1847 г. общественный домъ записанъ былъ на имя купца Молоткина, а съ 1847 г.

на одного изъ сыновей бурмистра князя Кочубея, К. А. Бѣлякова. Затѣмъ, всѣ окружающіе его дома перекуплены были филиповцами, и изъ нихъ устроенъ былъ совершенный лабиринтъ, въ которомъ почти не представлялось возможности отыскать что-нибудь подозрительное полиціи. Съ правой стороны общиннаго дома зданіе было куплено купцомъ Мелоткинымъ, съ лѣвой нѣкимъ Андрѣемъ Кузьминнымъ, а съзади итцаниномъ Павломъ Ивановичемъ. Всѣ эти зданія соединены были тайными входами и выходами, и призываемые при первой опасности скрывались отъ глазъ полиціи. При общественномъ донѣ не было сторожа и онъ не запирался, какъ у скопцовъ, а къ воротамъ придѣлана была желѣзная цѣпь, стукъ которой при отвореніи обращалъ вниманіе призываемыхъ и которая дозволяла проходить въ нихъ одному только человѣку. Вообще всѣ постройки обставлены были такъ искусно, что на дворѣ, безъ позволенія полиціи, удалось филиповцамъ устроить нѣсколько деревянныхъ двухъ-этажныхъ и только на видъ небольшихъ домиковъ, которые наполнены были призываемыми.

Капиталъ общины простирался до 20 тысячъ рублей.

А. В—скій.